

НАША СТРАНА

Год издания — 40-ой. Буэнос Айрес, суббота 3 сентября 1988 "NUESTRO PAIS" Buenos Aires, sábado 3 de setiembre de 1988 № 1987

ЛЕОНИД БАРАТ-БАРАНОВ

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРЕРВАННЫХ СВЯЗЕЙ

В настоящее время мы являемся свидетелями перемены общественно-го климата в Советском Союзе по отношению к истории, культуре и национальным ценностям и традициям русского народа. Всем известно, с каким ожесточением, даже остервенением подвергалась утеснению именно русская историческая память за 70 лет советской власти. Обеспокоенность судьбой страны, судьбой русского народа у честных, искренних патриотов вылилась в обращение к старым идеалам и ценностям русской культуры, которые все эти годы власть принижала — чтобы ожесточить русских, освободить их от своей исторической памяти, с тем чтобы они справились с ролью, отведенной им советской системой.

Без сомнения, на русский народ легла главная тяжесть советской власти и его прошлое пострадало больше, чем прошлое других народов Советского Союза. Однако, как известно, уже во время Второй Мировой войны начался процесс проявления национального самосознания и слово «русский» вновь обрело живое содержание.

И полтора десятилетия спустя, в 60-е годы, появилась проза «деревенщиков» — Ф. Абрамова, С. Залыгина, В. Шукшина, В. Белова, а позднее — В. Распутина и В. Астафьева. Появились в легальной и нелегальной прессе сочинения А. Солженицына. Все это можно в некоторой степени определить как прелюдию возвращения русского народа к своим духовным началам.

Сегодняшний же день, с началом политики гласности, неожиданно представил возможность и русскому народу взглянуть в свое прошлое — недавнее и давнее. Стало вдруг вероятным — в какой-то мере — обратиться к истории русского народа и российской государственности, а с нею и вернуть такие нравственно-духовные понятия, как «честность», «благородство», «милосердие», которые 70 лет были попираемы властью. И, как представляется сегодня, вопрос роли и места русского национального самосознания, принял весьма острую форму. В русле идей охранителей и традиционалистов, неославянофилов, создаются неформальные организации и объединения, и в последнее время наметилась даже политизация этих организаций на основе русских религиозно-философских воззрений и дореволюционных концепций отечественной истории: иначе говоря, — возвращение к общественным формам исторической России. Объединения эти борются также за разрешение экологических проблем, возникших за 70 лет бесхозяйственности органов власти, за защиту исторических памятников русской истории и культуры, противоборствуют засилью массовой культуры, справедливо оценивая ее как психоз

потребительства.

Большинство крупных и талантливых писателей в Советском Союзе прямо или косвенно поддерживают эти организации, как например, «Память» в Москве и многие другие, рассеянные по всей стране. В связи с этим в печати идет бурное и даже страстное обсуждение проблем истории России, основанное на тезисе, что без понимания прошлого, без ясной и твердой оценки исторического пути народа невозможно двигаться дальше. Многие писатели, художники, актеры, режиссеры своими средствами включились в этот труднейший процесс национально-духовного просвещения русских людей в Советском Союзе. Об этом в своем выступлении на съезде сибирских и казахских писателей 4 декабря 1987 года говорил В. Распутин: «...нам нужен такой интернационализм, который бы объединял, а не обеднял народы, берег их языки, традиции, историю и культуру — как единый организм бережет каждую свою часть, которая не может быть заменена. Всегда, во все времена, казаха нужно сохранить казахом в лице и духе, киргиза — киргизом, русского — русским. Только тогда между ними могут быть искренние уважение и любовь...»

С В. Распутиным перекликается широко известный русскому читателю своей приверженностью к национальным устоям русского народа В. Астафьев: «... да и никто еще и нигде не знал литературы, столь гибельно оторванной от жизни простого народа. Невольно тут вспоминаются слова покойного поэта Кобзева: «Вышли мы все из народа, как нам вернуться в него?»»

Нельзя не согласиться со словами В. Астафьева, так как почти все так называемые «народные» писатели писали не о болях, тревогах и заботах русского народа, как покойные Ф. Абрамов и В. Шукшин, а только умело угождали «вождям», прославляя мудрость одного руководителя, потом второго, а затем и третьего.

Что касается мирного сосуществования народов России, о котором так неустанно твердит советская пресса, то дореволюционная Россия на своем историческом пути уже давно разрешила этот вопрос: Россия была многонациональным государством, и историческая русская традиция выработала достаточно разнообразных методов решения национальных проблем.

К примеру, горцы под предводительством Шамиля были покорены и присоединены к российской империи и начиная с 1864 года, конца кавказских войн, они оказались самыми верными подданными российского государства, что было ими доказано в Гражданской войне 1918-20 годов. В своем подавляющем большинстве они были на стороне Белого движения. А что касается самого Шамиля, одного

из самых ярых противников России, то его ссылка была вполне почетной: он жил в Калуге, в центре России, получил дом, пенсию, равную генеральской, а под конец жизни Государь император Александр II за несколько лет перед Русско-турецкой войной 1887-88 годов разрешил ему отправиться на паломничество в Мекку. Его сыновья получили высокие посты в армии и гражданских заведениях империи.

Россия умела находить контакты и с ханами Средней Азии, и сибирскими князьями. Известно также, что России удалось и ассимилировать татарскую знать, ставшую одно время — в царствование Василия Темного — необычайно сильной при княжеском дворе: наплыв татар в государственный и военный аппарат был так велик, что русские чувствовали себя отодвинутыми от княжеского двора. А кто составлял петербургскую аристократию? Зачастую прибалтийские аристократы. В связи с этим профессор Г. Попов в своей беседе с Н. Аджубеем («Знамя» номер 12, 1987 год) говорит: «Я читал курьезный протокол заседания кабинета министров Александра II, на котором обсуждался вопрос о раскольниках. Несколько министров начинали свое выступление примерно так: «Не будучи православного вероисповедания, не хотел бы вторгаться в вопрос, касающийся веры, и ограничусь только некоторыми общими соображениями...» «Можно представить, из кого состоял этот кабинет!...»

И вот именно теперь русские люди в Советском Союзе, несмотря на годы тяжких испытаний и 70-летнее угнетение национального достоинства, требуют от власти полного и безоговорочного признания национального лика русского народа, восстановления исторических памятников, церкви, монастырей, не искаженной истории государства Российского, и особенно — семьи как носительницы семейных и национальных устоев, в первую очередь семьи *крестьянской, прочно сидящей на своей земле и высоко ценившей доблесть своих предков*. Требуют возврат к тому, что было традиционным в русском обществе.

В какой-то степени как бы подчиняясь народному требованию, власть старается удовлетворить патристическое стремление русских людей в сохранении памяти о своих предках. В начале этого года в бывшей Преображенской церкви недалеко от села Горюхино по решению Советского фонда культуры и Министерства культуры Российской Федерации будет открыта выставка «Древний Радонеж», центром которой станет памятник святому Сергию Радонежскому, посвященные 1000-летию Крещения Руси. Нельзя обойти молчанием также и воистину прекрасную статью Александра Нежного «Сияла Оптина Пустынь» в газете

«Московские новости» от 20 декабря 1987 года. Автор пишет об этом так: «Возвращение Оптиной пустыни (равно как и других монастырей и храмов Русской Православной Церкви) свидетельствует о серьезных положительных переменах в религиозной политике государства...» В газетной статье невозможно поместить и другие очень важные сообщения и мысли автора, и прежде всего — о вреде, который принес русскому человеку разгром духовных сокровищ русского народа; нельзя, однако, обойти молчанием его слова о непреходящей ценности многообразных проявлений отечественной культуры. Он пишет: «Не о реставрационных бедах собираемся мы сейчас вести речь, ибо вопрос о так называемых памятниках истории и культуры куда глубже вопросов только реставрационных: это вопрос, обращенный к сердцевине общественного сознания. И звучит скорее все так: кто мы? ...Возродились ли в наших сердцах благоговение — или страсть к разрушению, как и прежде, слепит наш взор?»

Теперь многие русские люди в Советском Союзе в 1000-летие Крещения Руси понимают, что, без всякого сомнения, православие отразилось на всей деятельности и культуре русского народа, как материальной, так и духовной, чему свидетельствует историческое прошлое России. В нем «Божья сила, животворящая струя, живую душу пробудила во всех изгибах бытия». Именно эта Божья сила, несмотря на тяжкие испытания на протяжении всей тысячелетней истории нашего отечества, сохранила и закалила национальное самосознание в душе русского народа. Божья сила живет и продолжает жить в сердцах миллионов верующих сынов России, разрушая замыслы ее многочисленных врагов и в Советском Союзе, и на Западе. И это вызывает злобные нападки разного рода комментаторов и публицистов, нападки, носящие подчас истерический характер. Неумолимо (а для недоброжелателей России грозно) приближается время конца пленения России.

Подводя итоги движения русского национального самосознания в Советском Союзе, можно сказать, что народ устал от лицемерия, обмана, парадных выступлений и демагогической болтовни. Он требует конкретных действий власти и решении своей национальной проблемы. Одним из таких действий, помимо возвращения православным храмам, действий, казалось бы на первый взгляд, не весьма существенных, однако при более пристальном анализе играющих важную роль в национальном самосознании народа, является возврат русским городам их исконных исторических названий. Об этом свидетельствуют многочисленные письма читателей в газеты и журналы. К

К. Скворцов

МЫСЛИ О МИНУВШЕМ

Сейчас, на склоне лет, вспоминаю весь пройденный мной длинный жизненный путь. Очень хорошо помню окаянный 1917 год, начиная с февраля. Не оказалось тогда у нас пронизательно мыслящих государственных людей и наш Венценосный Правитель России, Государь Император Николай II стал жертвой предательства Его же ближайшего окружения, и вынужден был отречься от Престола.

В течение последующих восьми месяцев Временного Правительства и полного хаоса и безвластия, вся страна митинговала, а большевики постепенно расчищали себе путь к власти. Был период полной и ничем не ограниченной свободы. Дезертиры с фронта требовали на митингах заключения немедленного мира «без аннексий и контрибуций».

Не похвалюсь, что я сам тогда в мои 19 лет, хорошо понимал надвинувшуюся на Россию полную катастрофу. Но все же в моем подсознании явно зрел протест против всего происходящего вокруг.

Тогда же, еще до захвата власти большевиками, и после двухсотлетнего перерыва, был созван Поместный Собор Русской Церкви с участием мирян. В то время, низложенный Император со своей семьей находился под стражей в Царском Селе. Государь, конечно, знал о созванном Соборе и, надо думать, возлагал на него надежду.

Но несмотря на царившую тогда в стране свободу, никто из участников Собора, ни со стороны иерархов, ни со стороны мирян, не подняли голос в защиту Царя и Его Семьи. А ведь тогда, при энергичных действиях можно было спасти и Царя и Его Семью. Своим безучастным молчанием Собор как бы предоставил право тогдашнему вершителю судеб, Керенскому решить и судьбу Царской Семьи. Вскоре, распоряжением того же Керенского и без малейшего протеста Церкви и общественности, Государь со всей Семьей был сослан в Тобольск, а потом, после захвата власти ленинскими бесами-большевиками, вся Царская Семья была переведена в Екатеринбург, где вскоре и приняла мученическую смерть.

В Зарубежье сейчас, конечно, уже не осталось ни одного участника Собора 1917 года, никто из ныне здравствующих иерархов Русской Церкви Зарубежья, и никто из общественных деятелей не несет прямой ответственности за деяния того отдаленного времени. Но все мы наследственно к нему причастны.

Да будет позволено и мне, простому православному мирянину, сказать о том, как наше русское, переживаемое нами лихолетие сложилось в моей памяти и моем понимании.

К. Скворцов

примеру — в журнале «Огонек», опубликовавший весьма типичное письмо А. В. Бужинского из Белгорода, который пишет: «Мне кажется, что на пути лежит последнее препятствие: восстановление названий городов стоит немало расходов. Но нам ли этого бояться? По такому важному поводу мог бы состояться субботник, действительно добровольный и многочисленный. Субботник в честь возвращения многим городам их исконных названий. И пока мы его не отработаем, нас будет сжигать стыд перед нашими потомками... перед памятью тех, кому мы уготовили «славу Геростратов»».

В этом письме, как и во многих других, требующих возвращения русских городам их исторических названий, ясно высказывается мысль, что история России началась не после 1917 года и что нельзя сбрасывать со счетов исторический опыт народа, так как это угрожает пустотой в настоящем и будущем.

Приведем весьма характерную цитату из прекрасной статьи Александра Нежного «Сияла Оптина Пустынь»:

«Мы еще только приступаем к восстановлению прерванных связей, и впереди — непочатый край трудной, благородной и крайне нужной обществу работы».

Знаменательны в этом отношении также и слова В. Астафьева в его беседе о современной подсоветской семье с журналистом Павлом Пэнэжко, опубликованной в журнале «Семья» номер 2 за 1988 год:

«В обществе, претендующем на историческую роль, всегда должен быть слой, придающий ему устойчивость во всех бурях и катаклизмах. В России до революции таким слоем было крестьянство. Кстати, благодаря успехам нашего очень среднего образования мы все твердим, как попугаи, про отсталую «крестьянскую матушку Русь». Твердим и все как-то забываем, что она, крестьянская-то, и Бонапарта побила, который поставил всю Европу на

колени, и хлебом полмира кормила, и гениев разных нарожала всему свету на удивление, построила Петербург, проложила Транссиб, да гиганты первых пятилеток возвела все теми же крестьянскими руками. А почему после последней войны так опустели наши деревни? Хотел бы я видеть, как без нас, без русских мужиков, цивилизованная Европа загнала бы фашистскую гадину обратно в логово и там добила».

Но тут, конечно, даже В. Астафьев не может выразить историческую реальность до конца: отдавая должное русскому крестьянству — кормильцу и защитнику России, он вынужден умалчивать, что в прошлом есть чему поучиться сегодняшним руководителям страны, оказавшимся в положении кризиса власти. Они должны бы были выяснить для себя наконец, что основой этой моральной стабильности народа до революционных переворотов была искренняя принадлежность народа Государю, а Государя — всеобщей пользе народной и общегосударственной, что на этом единстве покоились все принципы, обеспечивавшие жизнь множеству народов на огромных пространствах и обещавшие прекрасные перспективы развития их. Сегодняшним наследникам разрушения этих основ, стоящим перед проблемами *перестройки* страны, следует помнить, какой был истинный цемент устойчивости российского государства, то, чего нельзя было ни в коем случае разрушать.

Пусть покажет им правильный выход тот взлет к моральным, духовным ценностям предков, что мы наблюдаем сегодня в России: значительная часть народа поняла, что нельзя оставаться иваном не помнящим родства в угоду пустым требованиям коммунистической идеологии. Прошлое России, ее культура, народные традиции — вот в чем жизнь и спасение: мы принадлежим им — а они нам.

ЛЕОНИД БАРАТ-БАРАНОВ

Михаил Седяревич

ПАМЯТИ ВАН ФУ

Шестого июня с. г. умер в Буэнос-Айресе Анатолий Иванович Мироманов. Все его знали как виртуоза-балалаечника Ван-Фу. Родился он в городе Благовещенске в 1910 году.

С многотысячной волной беженцев, из сибирских городов, уходила на Восток, с отступающими войсками Белой Армии и семья Антолий Ивановича. Она оказалась в Китае и обосновалась в городе Харбине, где находилось Управление Китайско-Восточной Железной Дороги. Отец А. И. стал служить на железной дороге, а Анатолий учиться.

Уже в детском возрасте Анатолий Иванович имел тяготение к музыке. Из учеников старших классов гимназии он организовал струнный оркестр, которым он и дирижировал. Сам дирижер играл на всех инструментах струнного великорусского оркестра. На балалайке он играл мастерски. Играл он также превосходно и на баяне.

Когда КВЖД оказалась в руках советчиков, они продали дорогу японцам. Японцы русских служащих с дороги стали увольнять. Материальное положение увольняемых стало катастрофическим. Они поверили лживой советской агитации о «возвращении на родину» и стали уезжать в СССР. В том числе и семья Анатолия Ивановича. По прибытии на «родину» все мужчины, одни раньше, а другие позже, были посажены в тюрьмы и концлагеря. Эта участь не миновала и А. И. Прдержали его в тюрьме почти 3 года как японского «шпиона». Кроме беспрерывных допросов, днем и ночью, с угрозами и руганью, подвергали его разным пыткам. Ставили его в шкаф, в котором можно было только

стоять. Этот «сеанс» продолжался до потери сознания допрашиваемого. Истощив свои пытки советчики выпустили А. И. из тюрьмы с надломленным здоровьем.

По случаю начавшейся в июне 1941 года войны с Германией, А. И. был призван в армию и отправлен на фронт. В одном из боев он попал в плен. Немецкий лагерь для военнопленных фактически был лагерем смерти. Смерть косила людей беспощадно. Причиной тому были голод, холод и болезни. От всего этого А. И. был кандидатом в братскую могилу, но его, по милости Господней, спас баян.

По лагерю прошел слух, что для добровольческой воинской части ищут баяниста. А. И. заявил по начальству, что он играет на баяне. После проверки его определили в формирующийся оркестр и это спасло его от голодной смерти и продлило его жизнь на 45 лет.

После Второй Мировой войны Анатолий Иванович пребывал около двух лет в Италии. Там его приглашали несколько раз играть на балалайке в радио. Находясь с 1948 года в Аргентине он здесь вытупал как солист на многих концертах и участвовал в хоре Д. М. Авраменко. Его выступления всегда имели большой успех у публики.

Анатолий Иванович был весьма незаурядным человеком. В короткое время, уже здесь в Аргентине, он постиг реставраторское искусство и с художественным вкусом исполнял поступающие к нему заказы, требующие большой энергии.

Вечная ему память!

Михаил Седяревич

Г. ЛОБОВ

«Я» И «МЫ»

Подсоветский писатель Виктор Конечный («Третий лишний», 1983) утверждает, что «люди действия, бывальцы, бывальцы, никогда не пишут в своих книгах от «мы». Это «мы» часто является обязательным для авторов теоретических трудов, а за этим «мы думаем», «мы полагаем» не скромность стоит, а боязнь личной ответственности». Да и в эмигрантской прессе как-то один рецензент упрекнул другого в том, что он величает сам себя для пушей важности не «я», а «мы».

В прежние времена, по утвердившейся в печати традиции, редкий публицист величал себя иначе, а «я» считалось почти неприличным во всем, кроме воспоминаний, свидетельских описаний, заявлений, опровержений и тому подобных выступлений в печати, носивших личный характер, либо фельетонов и рассказов, где «я» служило художественным целям повествования.

Эта традиция обосновывалась скромностью, опасением выпятиться из шеренги собравших по перу и нежеланием навязывать читателю личное мнение.

Независимо от того, насколько все это было искренно, так полагалось из вежливости по отношению к читателю и редакции. Такой вежливостью не пренебрегали ни Пушкин, ни Гоголь, ни Достоевский, ни Толстой, то есть никто из тех даже, чье «я» мы бы не осудили. (Заметьте, не я бы не осудил, а мы. Не правда ли, все-таки приличнее?)

Не «мы», а именно «я» висит в статье разного рода привкус самовеличания и аллюмба; привкус, отравляющий, к сожалению, большинство эмигрантских газет и журналов, в тексте которых последняя буква русского алфавита стала самой употребительной.

Читателю, как правило, важно не столько кто пишет, сколько что пишут и тот, кто это понимает, не злоупотребляет единственным числом рискованного местоимения, за что и пользуется читательской взаимностью, то есть большим вниманием и уважением не жели те, что подавляют читателя своим авторитетом, не всегда и оправданным: «Читатели помнят, что, как я уже писал (предвидел, указывал, напоминал, предостерегал, предупреждал)»...

Все эти обороты не придуманы к случаю, а взяты буквально из статей некоей уважаемой нами (заметьте, нами, а не только «мною») газеты. Периодические статьи эти содержат нередко интересную информацию, но навязчивое, бесцеремонное и безапелляционное «я» автора с именем никому за пределами газеты не известно, снижает доверие и уважение к нему и его усилиям.

В одной из этих статей «я» склоняется во всех падежах девятнадцать раз и при чтении читателю начинает казаться, что газета отражает не общественные интересы, а личные.

Забвение простейшего правила журналистического приличия приводит подчас к смешным нелепостям; пресловутое «я» употребляется по инерции, иногда даже в редакционных статьях, не подписанных и псевдонимом.

В наш суровый век скромность, вежливость и приличия даже внешние, становятся все менее популярными, а места-ми почитаются уже вредными.

От этого и происходит превратное толкование уцелевших еще общественных традиций, принимаемых порой в прямо противоположном истинному смысле.

М. АНТОНОВ

УЧЕНИЕ СЛАВЯНОФИЛОВ — ВЫСШИЙ ВЗЛЕТ НАРОДНОГО САМОСОЗНАНИЯ В РОССИИ

1.

"Подвиг славянофилов был подвигом народного самосознания".

И. Аксаков

"Славянофильство не учение, воспринимаемое в полном объеме послушными адептами, а направление, освобождающее русскую мысль из духовного рабства перед Западом и призывающее русскую народность стать на ступень самостоятельного просветительского органа в человечестве".

И. Аксаков

НЕ ПОРА ЛИ РЕАБИЛИТИРОВАТЬ "РЕАКЦИОНЕРОВ" И "МРАКОБЕСОВ"?

Господство западных концепций в исторической науке неизбежно, даже если сам исследователь того и не хотел, приводило к грубейшему искажению картины прошлого нашей страны, к возвеличиванию деятелей, приносивших своему народу только бедствия, и к очернению подлинных сынов своего народа, имеющих право на понимание и благодарность со стороны потомков. Нам уже не привыкать вроде бы к неправильным и несправедливым оценкам, даваемым государственным и общественным деятелям России. И тем не менее нужно специально остановиться на вопросе об оценке деятельности небольшой группы русских мыслителей, известных под названием славянофилов, гениальных провозвестников грядущего величия России, не понятых при жизни, дружно оклеветанных после смерти, но брошенных на русскую почву семена, которые только сейчас начинают давать всходы, обещающие уже в недалеком будущем богатый, можно сказать, необычный урожай.

Подавляющее число читателей, хоть что-либо слышавших о славянофилах, знает, что эти люди были реакционерами и мракобесами, проповедовавшими какую-то мистическую веру в великое будущее русского народа и совершенно отвергавшими Марксову концепцию общества и классовой борьбы. Ученые стоят в этом отношении примерно на том же уровне. Так, в "Большой Советской Энциклопедии" о славянофилах говорится, что они идеалисты и откровенно религиозные мистики, убежденные монархисты, враги революционного движения на Западе и в России и т. д. и т. п., словом, выходит, по всем статьям махровые реакционеры и враги человечества, о которых политически грамотному человеку вроде бы и вспоминать неудобно; вероятно, именно по этой причине в БСЭ нет даже упоминания об одном из крупнейших идеологов славянофильства — К. Н. Леонтьеве (зато там целая треть столбца уделена жизнеописанию Леонтьева Льва Абрамовича, видного марксистского экономиста). А между тем эти "реакционеры" и "идеалисты", "мистики" и "монархисты" оказываются деятелями, сделавшими для русского народа больше, чем все революционеры и марксистские экономисты вместе взятые. Вот почему мы все же не могли не рассмотреть хотя бы коротко воззрения славянофилов.

Мы считаем необходимым сде-

Печатается с незначительными сокращениями.

лать одну существенную оговорку о рамках нашего исследования концепции славянофилов: в наши намерения вовсе не входит рассмотрение тонкостей воззрений того или иного идеалиста из славянофилов, показ исторического развития их идей, изложение их воззрений и разногласий по отдельным частным вопросам и т. д. и т. п.; такое рассмотрение слишком далеко увело бы нас от цели данной работы. Надо иметь в виду, что славянофилы не были какой-то политической партией, члены которой признавали единую программу и устав, а представляли собой довольно пеструю группу людей, сплошь и рядом расходившихся между собой по самым разным вопросам, нередко взаимно отлучавших друг друга от славянофильской доктрины; никто из них не дал целостного и стройного изложения учения славянофильства и не написал манифеста этого направления, да и само название "славянофил" было поначалу пущено в ход их идейными противниками как ироническая и обидная кличка; не только отдельные лица, но и целые направления (вроде почвенничества во главе Ф. М. Достоевским) признавали себя только частично славянофилами. Сегодня, по прошествии ста тридцати с лишним лет после появления первых работ славянофилов, нас интересуют не тонкости воззрений отдельных мыслителей, даже не отдельные "рациональные зерна" от "идеалистической шелухи", а общий дух этого направления, его подлинный смысл и роль, а особенно — то, что именно из вклада славянофилов в развитие русской мысли сохранило свое значение до нашего времени.

КРАТКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ ПО ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА

Все противники славянофилов — от тогдашних "западников" до теперешних марксистов — сходятся на том, что славянофильство в России возникло под влиянием немецкой идеалистической философии; одни видят это влияние в принятии идей Гегеля о делении народов на исторические и неисторические, другие — в равнении на философию Шеллинга и т. п.; к тому же и видные идеологи славянофильства, в частности Страхов и даже Данилевский, сами признавали это влияние, так что вроде бы здесь и спорить не о чем. И тем не менее это утверждение совершенно ложно, а суждения названных идеологов славянофильства попросту совершенно не понятны.

Зарождение славянофильства относится к концу 30-х гг. 19-го века. Это было время, когда рост люмпенских настроений в верхушке правящего класса и образованного общества России привел к такому распространению западных идей, которое стало угрожать даже самому существованию Русского государства; восстание декабристов в 1825 году уже ясно показывало, что невинное увлечение западными либеральными теориями в любой момент могло вылиться в такие попытки ниспровержения существующего строя, которые, не имея никаких перспектив в смысле конечного успеха, тем не менее угрожали бы великими бедствиями для государства и народа.

Николай Первый со свойственной ему пронизательностью и дальновидностью во всем, что относилось к благу России, остро ощущал потребность в средствах обуздания низкопоклонствующих российских люмпенов. Однако сам он ни по своему положению (он, как мы помним, был окружен люмпенством со дня убийства его отца — Павла Первого), ни по занятости государственными делами, ни по своей подготовке не мог выработать такого идейного оружия; поручить же выработку такого оружия (раскрытие призвания России) самому люмпенству было делом крайне ненадежным.

И вот в это время инстинкт самосохранения русского народа, прежде проявлявшийся только в форме пассивного неприятия западной культуры и начатков западного просвещения народными массами, выразился и в более активной форме — в появлении учения славянофилов. Правда, это еще не было движением народных масс, это была еще концепция небольшой группы дворянских интеллигентов, не утративших полностью связи с народом, но тем не менее это уже было если не контрнатуплением народного начала, то во всяком случае его активной обороной. Славянофильство было выступлением передовых людей образованного общества России против низкопоклонства российского люмпенства перед Западом, в частности перед немецкой идеалистической философией. Таким образом, с утверждением о том, что славянофильство было навеяно немецкой философией, можно согласиться, но с одной существенной поправкой: славянофильство возникло как реакция передовых представителей русского народа на дезорганизаторские учения Запада, в том числе и на немецкую философию (и в этом смысле славянофилы были "реакционерами"), как *диалектическое снятие* этих учений, подобно тому, как ненависть к рабовладению у древних германцев выработалась вследствие диалектического снятия рабства у древнего Рима, с которым они вели многовековую борьбу.

Противники славянофилов — и западники, и марксисты (например, в БСЭ) — любят колоть глаза близостью учения славянофилов к "теории официальной народности". Надо сказать, что и этот упрек неоснователен. Что касается люмпенства, то оно — и откровенно прозападное, и самое что ни есть верноподданническое — ненавидело славянофилов и чинило им всевозможные препятствия. Мы считаем нужным привести здесь несколько свидетельств людей, хорошо знавших суть дела.

Такой видный идеолог славянофильства, как К. Леонтьев, специально отмечал, что :

"Николай Первый не благоволил к славянофилам, хотя сам имел с ними много общего" (т. 6, стр. 224).

Не менее определенно высказывается на этот счет Н. Данилевский:

"Не только неопределенно западнические, но уже и прямо нигилистические идеи могли печатно излагаться и страстно проповедываться; издания славянофилов, как наивреднейшие, запрещались одно за другим: "Молва", "Парус", "День", "Москвич" как костями покрыли скорб-

ный путь, которым должно было пробиваться русское самобытное направление. Даже издание, не относящееся собственно к славянофильскому направлению, но родственное ему тем, что стояло за самобытность, именно "Время" Достоевского было запрещено" (сб. статей, стр. 269).

Е. Соловьев рассказывает, что когда И. Аксаков попросил в 1859 г. разрешение на издание журнала "Пароход", ему намекнули, что он может издавать этот журнал, но с тем условием, чтобы идея самобытного развития народностей, как славянских, так и иноплеменных, не имела места в журнале, а все, что до сего предмета относится, было бы из него исключено. Таких свидетельств можно привести множество, в том числе и из работ Герцена, Белинского и Чернышевского.

Спрашивается, если царь разделял идеалы и верования славянофилов, благоволил к ним, а люмпенское окружение весьма чувствительно стесняло славянофилов, то почему это происходило? Ответ здесь может быть только один: славянофилы выступили против люмпенско-космополитов, и люмпенство мстило им за это, нередко заставляя и царя участвовать в их притеснении.

Словом, славянофильство возникло не в результате влияния немецкой философии, не было оно и насажено сверху царем или верноподданнически настроенными люмпенами; оно возникло как защитная реакция русского народа против похода западных идеологов и их агентуры в России и было направлено за царя и против люмпенства.

Началом движения славянофилов принято считать появление первых статей Хомякова и Киреевского о России и Западе. Поэтому мы и начнем наш краткий обзор с рассмотрения идей этих передовых идеологов славянофильства, отметив лишь одно обстоятельство, специально подчеркнутое Хомяковым, писавшим, что в 1839 г. первыми славянофилами было высказано мнение, что:

"...славянское племя, и по преимуществу русское, отличается от всех других особенностью своего общинного быта. Этим положено было начало нового умственного движения".

Мы считаем это положение очень важным. Славянофильство возникло на почве осознания важности общины для русского народа, и потому идеи славянофилов в полной мере могут быть оценены только сегодня, когда вопрос о восстановлении и развитии общинных отношений в России практически поставлен в порядок дня.

(Продолжение следует)

Продаю книги издательства "Голос России" (Болгария, 1939)

Книга 1:
М. З. Никонов-Сморodin "Поземельно-хозяйственное устройство крестьянской России". Со вступительной статьей И. Солоневича.

Книга 2 — 3:
Г. П. Апанасенко "Нация" и шт. капитан Б. В. Тряпкин "Церковь и государство".

Цена каждой книги 50 ам. долларов, включая пересылку заказной почтой. Обращаться в редакцию.

